

М.В. Ляпон

(Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН)

ПАРАДОКСЫ ОТРИЦАНИЯ В АВТОРСКОМ ДИСКУРСЕ

Даже ничего не сообщая, дискурс демонстрирует существование коммуникации; даже отрицая очевидность, он утверждает, что слово конструирует истину; даже имея целью обман, он играет на вере в свидетельство.

Жак Лакан

Дискурс стал предметом теоретического осмысления сравнительно недавно, и денотат этого слова (термина или общеупотребительной лексемы), медленно очерчивая свои контуры, остаётся пока и с к о м ы м для философии, семиотики, лингвистики. Потребность в термине «дискурс» — симптом усиления интегративных процессов, охватывающих гуманитарные области знания. Утверждаясь (в противовес слову «текст») как термин «наук о человеческой духовности», само слово «дискурс» играет роль своего рода *рефлексемы*: оно направляет внимание филолога к индивидуальным стратегиям аргументации, а также открывает пути изучения специфических черт, характеризующих рассуждение по-русски (ср.: [4; 6; 8]).

Различия между словами *дискурс* и *текст* иногда кажутся неуловимыми. Вместе с тем в слове *дискурс* (даже вне сочетания «авторский дискурс») есть неустранимый смысловой акцент, указывающий на живую коммуникацию, происходящую как бы на наших глазах. Возражая против мнения об избыточности слова «дискурс» (дискурс = текст), следует подчеркнуть, что *текст* — это то, что в первую очередь противостоит словесной единице; *текст* — результат функционирования языка как системы знаков, тогда как *дискурс* вызывает представление прежде всего о конкуренции мнений, о столкновении точек зрения. Этот «иноанс» выталкивает *дискурс* на метауровень и настраивает исследователя на поиск каузирующего начала искомого феномена.

Авторский дискурс естественным образом стимулирует языковеда на осмысление закономерностей вербальной деятельности индивида, на расшифровку его личных кодов, предлагает изучить автора как своего рода диалектологический экспонат, увидеть в нем существо анархическое, идиоматическую данность, требующую разгадки. Говорящий субъект, закономерности его вербальной деятельности — тема.

естественным образом сближающая интересы языкознания и аналитической психологии.

Эпицентром того, что мы обозначаем словом *дискурс*, для Ж. Лакана (психиатра, лингвиста и философа в одном лице) является субъект как средоточие рефлексии. Говоря о сложности объекта, именуемого *дискурсом*, Ж. Лакан использует аналогию с партитурой, в записи которой можно выделить несколько регистров. Согласно Ж. Лакану, дискурс — приоритетная тема лингвистических разысканий. Сам речевой, дискурсивный процесс, поток речи, его связь с осознанием и автономность от осознания и есть реальный денотат, постигаемый исследователем. «Остается фактом <...>, что в гипнотическом состоянии вербализация отделена от осознания, а этого вполне достаточно, чтобы заставить нас пересмотреть концепцию её последствий» ([7]: 25). Таким образом, Лакан видит денотат *дискурса* как сущность парадоксальную¹. При этом внимание аналитика направлено на поиск знаковых ресурсов, оценку их способности адекватно исполнять роли *означающих*. Авторский дискурс писателей, которым свойственно «обольщение сутью», — таких как Цветаева, Бродский, — обостряет наш интерес к феномену «парадокс», как к логической универсалии, отражаемой в семантике самих языковых знаков.

Несколько примеров. Наблюдаемые в языке парадоксы отрицания хорошо иллюстрирует дейктическая единица *ничего* в ответной реплике. В семантике этой служебной лексемы (по существу, — идиомы) ощущается, в первую очередь, уклончивость собеседника, невинность, недоговоренность, нежелание распространяться, расчет на интуицию адресата, маскировка истины, лаконизм, объяснимый обстоятельствами общения и т.п. Этот шлейф коннотаций как бы **в о з м е щ а е т** пустоту денотата *ничего*, заполняет собою смысловой вакуум, заданный внутренней формой слова *ничего*. Слово *ничего* (в ответной реплике) фактически выступает в роли *отговорки*; слово опровергает свой этимон под напором коннотаций, обретаемых в условиях дискурса.

Дискурсивная практика — это та естественная питательная среда, в которой вынашиваются критерии национально-специфического в языке, в которой рождаются идиомы, языковые единицы с гибридным значением. В.В. Виноградов, ссылаясь на П.А. Вяземского, обнаружил

¹ В трудах Лакана привлекает недоверие их автора к избитым аксиомам. Его мысль работает в режиме парадоксалиста: «Чего бы ни добивался психоанализ — исцеления ли, профессиональной подготовки, или исследования — среда у него одна: речь пациента. *Очевидность этого факта вовсе не даёт нам права его игнорировать*» ([7]: 18) (выделено мною. — М.Л.).

вает у слова *ничего* признаки идеологемы, приоткрывающей особенность русской ментальности: «У некоторых экспрессивных выражений возникает необычная широта смыслового применения. П.А. Вяземский так понимал национальный колорит разговорного выражения *ничего*, которое может быть синонимом разнообразных слов со значением посредственной оценки («о чем-нибудь не отличном, но и не очень плохом»): «Есть на языке нашем оборот речи совершенно *нигилистический*, хотя находившийся в употреблении ещё до изобретения ниглизма и употребляемый донныне вовсе не нигилистами. «Какова погода сегодня?» — *Ничего*. — «Как нравится вам эта книга?» — *Ничего*. — «Красива ли женщина, о которой вы говорите?» — *Ничего* <...>. В этом обороте есть какая-то русская, лукавая сдержанность, боязно проговориться, какое-то совершенно русское себе на уме» ([2]; 781) (разрядка моя. — М.Л.).

В этом употреблении улавливается момент раздвоения смысла на собственно негацию (отрицание) и негативность: слово выражает идею усреднённого качества («так себе», «приемлемо», «сносно», «терпимо», «не выходя за пределы нормы»). Заметим, что даже при поддержке интонации, которая регулирует все оттенки и градации «среднего уровня» (вплоть до «очень даже ничего!»), оценка остаётся сдержанной, не достигая превосходной степени («безупречно», «превосходно»).

В авторском эксперименте находим толкование этого трудноуловимого дейктического смысла при помощи образа. Например, у Бродского предикат *ничего* («как обычно», «как всегда», «нормально») выступает в виде афористической и специально олицетворенной формулы:

Старик, пишу тебе по-новой.
Жизнь — как лицо у Ивановой
или Петровой: не мурло,
но и не Мэрилин Монро <...>
(см.: [3]; 179)

Формула обозначает две крайние точки: предел безобразия и предел совершенства; между ними расположен смысл «нечто среднее по качеству», «ни то ни сё», «так себе». Бродский дает возможность ощутить компромиссную сущность семантики стандарта (бесцветности, серости), уловить момент превращения собственно негации («не», «не есть») в оценочный смысл («ни ... ни», «ни то ни сё»).

Парадоксальные манипуляции *есть* и *нет* у Бродского связаны с главной темой его рефлексии — *бытие и ничто*.

Рассмотрим случай провоцирующего отрицания:

Я говорю с тобой, и не моя вина,
если не слышно. Сумма дней, намозолив
человеку глаза, так же влияет на
связки. Мой голос глух, но, думаю, не назойлив.
Это — чтоб лучше слышать кукареку, тик-так,
в сердце пластинки шаркающую иголку.
*Это — чтоб ты не заметил, когда я умолкну, как
Красная Шапочка не сказала волку <...>*

([1]; IV, 31) (выделено мною. — М.Л.)

Здесь Бродский явно нарушает правило в употреблении отрицания в придаточном предложении при перцептивном глаголе (*женщина заметила *как он не опускал деньги в кассу*; — пример И. Кобозевой). Интерпретируя это правило, И. Кобозева пишет: «Невозможность *как... не...* после перцептивных предикатов объясняется противоречием денотативных характеристик пропозиции, возникающим в данном случае. Союз *как* актуализирует пропозицию как имеющую статус «события» («представления»). Но отрицательная пропозиция *не Р* при перцептивном предикате не может интерпретироваться как «представление» <...> поскольку физически воспринимаются только события реального мира, а в реальности «отрицательных» событий не существует» ([5]; 87).

Очевидно, Бродский в данном случае сознательно делает свою конструкцию (**не заметил... как Красная Шапочка не сказала волку*) грамматически непрозрачной, чтобы привлечь внимание к интригующему месту, специально стимулирует воображение читателя: Эксперимент Бродского достигает цели: он использует классический сюжет, и популярные фигуры парадоксальным образом (путём умолчания «как не сказала») изображают момент «превращения» бытия в небытие.

В поэтическом контексте Бродского этот диалог Красной Шапочки и Волка (диалог, никогда не вербализуемый полностью) превращается в образную формулу, символизирующую страх смерти; см. разговор Горбунова с врачами в гл. XI поэмы «Горбунов и Горчаков»:

«Ну, Горбунов, рассказывайте нам!»
«О чем?» «О ваших снах». «Об оболочке»,
«И называйте всех по именам».

<...>

«Зачем вам это?» «Нужно». «И сполна».
 «Для вашей пользы». «Реплика во вкусе
 вопросов Красной Шапочки. Она,
вы помните, спросила у бабуся
насчёт ушей, чья странная длина...
 «не бойся», — та в ответ, — «ахти, боюся»,
 «чтоб лучше слышать внучку!» «Вот те на!
 не думали о вас мы как о трусе»
 «К тому ж в итоге крошка спасена».
 «Во всем есть плюсы». «Думайте о плюсе» <...>
 ([1]; I, 273)

Допрос Горбунова врачами — столкновение двух рефлексорирующих сознаний: собеседники буквально прощупывают друг друга и ловят на слове, чтобы докопаться до истины, причем у каждой из сторон в этом диалоге — своё искомое. Данный отрывок из поэмы Бродского наглядно иллюстрирует концепцию феномена «дискурс», развиваемую Ж. Лаканом. Лакан убеждает в том, что *дискурс* (последняя реальность языка, его высшая достоверность) принадлежит компетенции лингвиста в той же мере, в какой он является объектом познания для психоаналитика.

«Психоаналитик знает лучше кого бы то ни было, — утверждает Лакан, — что самое главное — это услышать, какой «партии» в дискурсе доверен значащий термин» ([7]; 22). Критику, изучившему специфику авторской стратегии, легче ориентироваться в авторских смысловых манипуляциях, легче распознать за простой повседневной историей — притчу, за длинной тирадой — элементарное междометие, а за простой оговоркой, наоборот, сложное объяснение, за молчаливым вздохом — целое лирическое излияние. Отношение «говорящий — адресат» у Лакана соответствует отношению «контролируемый — контролирующий» в условиях дискурса. На языке Лакана «контролирующий» (*comtrôleur*)¹ — это коммуникант в позиции интерпретатора. Критик, в широком смысле слова, — тот, кто расшифровывает интенцию «контролируемого», пытается адекватно истолковать речь Другого.

В рамках проблемы «парадоксы отрицания в авторском дискурсе» отдельного толкования заслуживает формула «слишком... что-

¹ Более удачно, по мнению Ж. Лакана, смысл, заключенный в слове «контроль», передается английским термином *supervision*. Очевидно, речь идет фактически о рефлексии и метарефлексии, т.е. об оценке и переоценке как состояния, непрерывно сопровождающем и испытываемого, и «контролёра» в процессе самой вербализации и при декодировании дискурса.

бы...», представляющая собой контаминацию внутренней негации и причинной обусловленности; логику этой формулы можно описать следующим образом: «чрезмерность чревата отрицательным результатом» («чрезмерность обуславливает отрицательный эффект»). Значение избыточности, чрезмерности оказывается здесь главным аргументом оборачиваемости смысла. Заметим, что в модели типа «достаточно... чтобы...» вторая часть высказывания не меняет исходной модальности (*Я достаточно разумен, чтобы не поучать пожилого человека*). Интересную иллюстрацию модели «слишком... чтобы...» находим у Бродского в его письме к В. Голышеву:

Не знаю: дело во Всевышнем
или — физический закон,
но *разница лет в двадцать с лишним*
для хамства — *крупный Рубикон*.

Смысл анализируемой формулы более понятен в контексте, включающем несколько непосредственно предшествующих четверостиший:

Вдобавок — близость океана
ноздрею ловишь за углом.
Я рад, что этим дышит Анна,
дивясь Чувихе с Помелом.
Я рад, что ей стихии водной
знакомо с детства полотно.
Я рад, что, может быть, свободной
ей жить на свете суждено.
Такие чувства — плод досуга.
Однако данный материк
тут ни при чем: они — заслуга
четырёхстопника, старик.
Плюс — пятилетка жизни в браке.
Представить это тяжело.
Хотя до склоки или драки
покамест дело не дошло <...>
(см.: ([3]: 180–181)
(выделено мною. — М.Л.)

Интенсифицирующая часть формулы («слишком») выражена метафорически («крупный Рубикон»), а ирреальность (скрытое отрицание) заключена в предлоге *для* («для того чтобы»).

Формула звучит в стиле афоризма, как бы изрекаемого от лица «абстрактного субъекта», но при её толковании следует учитывать склонность Бродского к самоиронии — он открывает «секрет» счастливого брака, опираясь на личный опыт («я намного старше жены, чтобы она мне хамила»; меняя позиции субъектов, можно обобщить так: «у нас слишком большая разница в возрасте, чтобы хамить друг другу»). Заметим, что анализируемое четверостишие представлено в модальной рамке: «*Не знаю..., но...*», которая устроена по «принципу самоопровержения (её логический надтекст парадоксален: «*Я не знаю..., но я всё же знаю*» другими словами «*я не знаю всей истины, но одна причина мне известна*»).

Субъект рассуждающий, продуцирующий сокровенные смыслы, субъект в состоянии самоанализа — это и есть тот реальный, эвристически активный «энергоноситель», то искомое, что, в первую очередь, стоит за абстракцией, обозначаемой словом «сознание».

В условиях дискурса гибридные словесные единицы и фразеосхемы выполняют роль, которую можно назвать *в а и м н о а н т р о п о ц е н т р и р у ю щ е й*: они направляют адресата прямо к говорящему субъекту, который *з а д а ё т с в о ю л о г и к у а р г у м е н т а ц и и*: заявляет (осознанно или непроизвольно) о своей готовности воздействовать на ваше мнение, отстаивать свою точку зрения. Подобные языковые единицы подсказывают шифры феномена, дискурс — то искомое, что отличает *дискурс* от таких сущностей, как Текст и Язык. В авторском дискурсе элементарные служебные единицы меняют свой исходный вид, наращивают смысл. Ценным источником для изучения парадоксов отрицания является дискурс Цветаевой, которая часто использует свою излюбленную оппозицию «бытие / небытие» для утверждения эквивалентности этих смыслов. Рассмотрим один пример из поэмы «Провода» (тема — роковая утрата любимого человека).

Боюсь, что мало для такой беды
 Всего Расина и всего Шекспира!
 «Все плакали, и если кровь болит...
 Все плакали, и если в розах — змен».
 Но был один — у Федры — Ипполит!
 Плач Ариадны — об одном Тезее!
 Терзание! Ни берегов, ни вех!
 Да, ибо утверждаю, в счете сбившись,
 Что я в тебе утрачиваю всех
 Когда-либо и где-либо *небывших!*

([9]; II, 176)

Конструкция привлекает внимание загадочной несообразностью. На первый взгляд, перед нами явный алогизм: нам предлагают принять фикцию за неоспоримый аргумент. Действительно, кто это такие «когда-либо и где-либо» *небывшие*? Глагол бытия здесь стоит под знаком отрицания (причем, выделен самой Цветаевой). Всё остальное подано в утвердительной модальности: «*когда-либо*» («во все времена»), «*где-либо*» («повсюду, на всей земле»), «*в счете сбившихся*» («их множество»), «я их пересчитываю и сбиваюсь в счёте»).

Число этих *небывших* Цветаева представляет как совокупность: используя слово «весь», она поддерживает неоспоримость своего постулата (подсчет завершен и получена реальная цифра). Между тем речь идет о виртуальном — о всех тех, кто мог бы появиться на свет за время существования человечества, но не родился (скажем, из-за войн, катастроф и т.п.). Заметим, что выбор причинного союза здесь тоже неслучаен («Да, *ибо* утверждаю...»): Цветаева использует «магический» знак удвоенной иллокутивной силы, претендуя на истину в последней инстанции (подробнее в: [8]). Под знаком *ибо* фикция оборачивается высшей достоверностью. Цветаева аргументирует своё утверждение, опираясь на «алгебру» причинности (причины имеют дело только с фактами). Под знаком «*ибо утверждаю*» выстраданное на собственном опыте узаконивается как неоспоримая истина.

Изображая гиперболизированное множество, Цветаева отказывается от стереотипа, и найденная ею астрономическая цифра более точна; и более ощутима, чем какое-нибудь клише типа *море цветов, тьма народу, мириады звезд* и т.п.

Цветаева создает формулу трагической любви, роковой утраты. Однако конструкция достигает более высокой абстракции: речь идёт не только о неизмеримости утраты. Её мысль о роковых не встречах обретает силу грандиозного обобщения: на самом деле она имеет в виду нереализованный потенциал человечества. Парадоксальная гипербола продуцирует смысл далеко не сиюминутный; при этом свою склонность к парадоксу и преувеличению Цветаева хорошо осознаёт сама.

И. Бродский, оценивая речевой почерк Цветаевой, отмечает её постоянную оглядку на сказанное, «слежку за самим собой». Действительно, анализируя гиперболу Цветаевой, мы убеждаемся в том, что её текст риторически безупречен и — силой её языковой интуиции — застрахован от логической ошибки: её конструкция как будто создана для лингвистической экспертизы и при этом лишена какой бы то ни было не-

сообразности, в которой можно было бы уличить автора. *Все когда-либо и где-либо небывшие* становятся реальностью хотя бы потому, что о них говорится как об утрате. Заметим, что выражение «никогда не бывшие» в идиолекте Цветаевой надделено особым значением, которое она раскрывает в письме к Р.-М. Рильке: «Райнер Мария, ничто не потеряно: в следующем (1927) году придет Борис [Б.Л. Пастернак] <...> Бориса я знаю очень мало, но люблю его, как любят лишь никогда не виденных (давно ушедших или тех, кто ещё впереди: идущих за нами), никогда не виденных или **никогда не бывших**» ([9]; VII, 56) (выделено мною. — М.Л.). Привлекаемый анализ парадоксальной гиперболы Цветаевой служит одним из аргументов продуктивности персоналистического подхода к феномену *дискурс*. Авторский дискурс, взятый в его целостности (включая дневники и эпистолярный) — это фактически доступ к *персональному коду*, материал для воссоздания психологического портрета личности; для реконструкции индивидуальной стратегии смыслообразования.

В конкуренции терминов (*текст / дискурс*) *дискурс* утверждает свой особый смысловой акцент, притягивая внимание к субъекту. Слово «дискурс» — своего рода допинг, расширяющий горизонты лингвистического знания, помогающий увидеть в речевой деятельности субъекта нечто большее, чем пользователя языка, способного грамотно построить высказывание. Дискурс позволяет современной лингвистике осознать себя органической частью человековедения.

Литература

1. Бродский И. Сочинения. Т. IV. — СПб., 2001.
2. Виноградов В.В. История слов. — М., 1994.
3. Гольшев В. Виктор Гольшев, сентябрь 2004. Москва // Полушина В. Иосиф Бродский глазами современников. Т. II. — СПб., 2006.
4. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обычного языка // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой. — М., 2005.
5. Кобозева И. Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания // Логический анализ языка. Знание и мнение. — М., 1988.
6. Кубрякова Е.С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой. — М., 2005.

7. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М., 1995.
8. Ляпон М.В. Причина как предмет рефлексии // Язык как материя смысла. – М., 2007.
9. Цветаева М. Собр. соч.: В 7-ми тт. – М., 1994–1995.

Paradoxes of Negation in Author's Discourse

With her views based on the analysis of the language experiment of the paradoxalist writers (Marina Tsvetayeva, Joseph Brodsky), the researcher argues in favour of a point that the «author's discourse», while granting the access to a subject's personal code, does not only lie within a linguist competence, but also becomes a field of study for a psychoanalyst. The personalistic approach towards the subject provides an opportunity of interpreting the phenomenon of the «discourse» as a dialogue of two introspective minds. In the modern linguistics, the demand for the term 'discourse' is a symptom of the intensified integration of the humanitarian fields of knowledge. The word 'discourse' itself, while being declared a term of studies referred to the human spirituality (opposite to the word 'text'), plays a part of a kind of *reflexeme*. This term directs the philologist's attention towards the individual strategies of argumentation and reveals the ways of studying the specific features characteristic of the Russian way of reasoning.

Key words: the Russian language, semantics, text theory, discursive practises, styles of thinking.